

17.428K

В. П. КУЗНЕЦОВ

ПЕРЕД
ОКТЯБРЕМ

ИВГИЗ
1934

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач _____

З. 5—100. Т. 15 млн. «Полиграфкнига».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

347
К 89

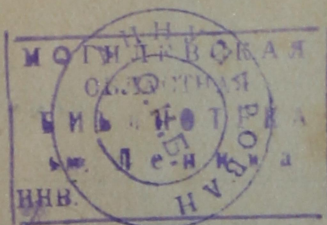
65180 Кр. 17.428

В. П. Кузнецов

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

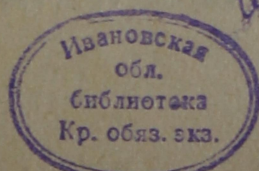
Воспоминания активного участника революционных событий в Иванове

мост

Ивановское
областное государственное
издательство

1934

429

2010

К читателю

Брошюра говорит о революционных событиях в г. Иваново-Вознесенске в период от февраля до октября 1917 г.

Автор брошюры—председатель Совета рабочих и солдатских депутатов, избранного в первые дни Февральской революции (2—3 марта).

В брошюре дано много фактического материала о работе Совета, организации большевиков и т. д.

Написана живо и популярно.

Рассчитана на массового рабочего и колхозного читателя и на молодежь, в первую очередь на комсомольцев.

~~1934~~ г. Инв. № ~~57.4913~~

В. П. Кузнецов. Перед Октябрем.

Ивановское областное государственное издательство. Иваново, 1934.

Редактор Н. М. Голубев. Техредактор В. С. Голдобин.

Сдано в набор 31 января 1934 г. Подписано к печати 27 марта 1934 г.

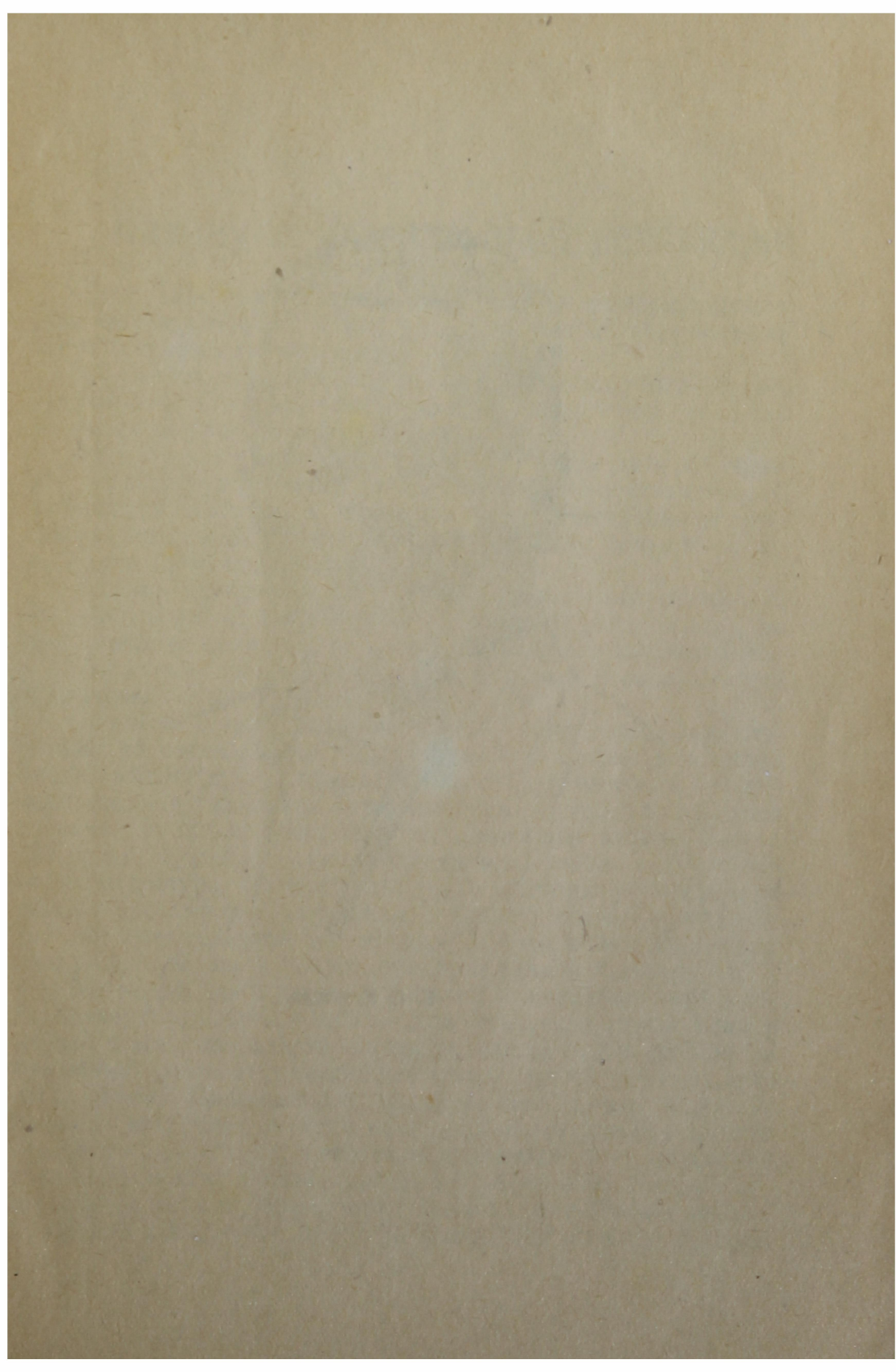
Печатная бумага Каменской ф-ки. Формат 82,5 × 110/за.

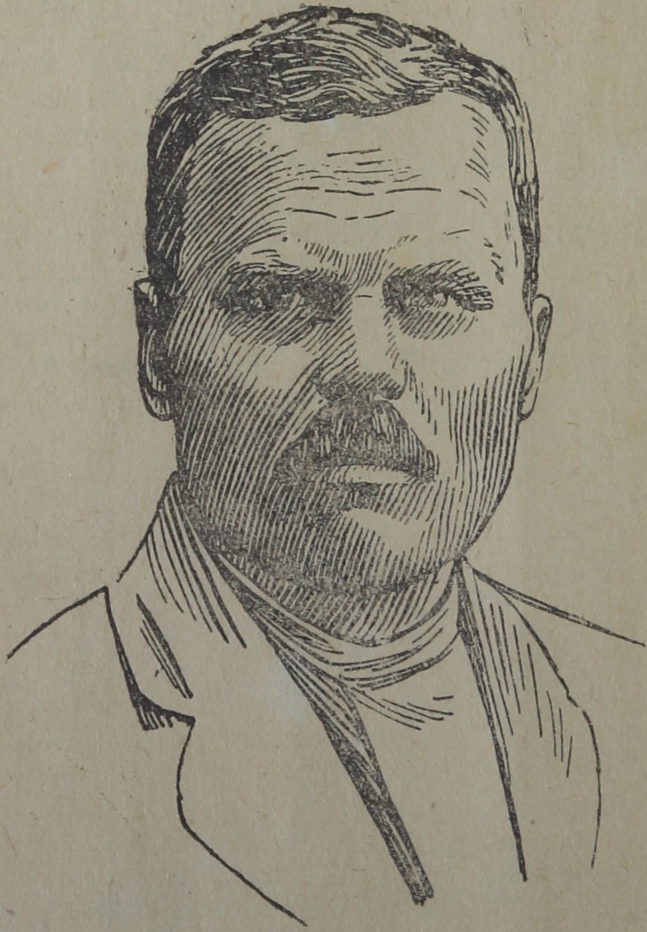
Тираж 3000 экз. Изд. л. 3¹/₄, Бум. л. 13¹/₁₆ В бум. л. 161000 экз.

Ивгыз № 721. Инд. ПЭК-56.

Обллит № 199.

Тип. „Красный Октябрь“ Ивполиграфтреста. Владимир, ул. III Интернационала, 39.
Заказ № 596.

В. П. Кузнецов.

Накануне февральской революции

Лето 1914 года. Разразилась мировая империалистическая захватническая война, которую десятки лет подготавливала буржуазия всех стран.

И уже через какой-нибудь год войны ясно обнаружилась чудовищная политика фабрикантов и торговцев, этих так называемых „кормильцев“ рабочих.

Нажиться на войне, использовать безвыходное, бесправное положение рабочих в своих собственных интересах, превратить рабочих в покорных, все переносящих, не рассуждающих рабов—таково было стремление больших и малых акул промышленности и торговли.

Школа, церковь, полиция, суд, печать, искусство—все было призвано на службу „войны до победного конца“, во имя „защиты родины“, во имя бесшабашного патриотизма.

Городская жизнь была проникнута, или вернее, всецело подчинена войне.

Жены и дочери фабрикантов, торговцев, крупных служащих не отставали от своих мужей. Работая в качестве сестер милосердия и руководя благотворительными организациями, они укрепляли веру солдат в могущество русского оружия, в победу над врагом, доказывая необходимость войны до победного конца. Крестики, образки, патриотическая литература, духовные беседы, благотворительные вечера для „наших героев“, переписка с фронтовиками—„крестниками“, жалкие подачки—все методы обмана и беззастенчивой лжи были пущены в оборот предприимчивой буржуазией.

Но скоро даже простой рабочий стал разбираться в обстановке; патриотизм былых годов стал испаряться. Если в начале войны на солдата смотрели, как на героя, „спасителя отечества“, пели ему хвалебные гимны, то к 17-му году этот пыл остыл. Прибывавшие каждый день новые эшелоны раненых встречали менее и менее радушный прием, солдатки осаждали начальство, требовали денежный паек, поднимая скандалы. В пенсионной комиссии Шуйского земства лежало до 3000 заявлений, не рассмотренных по году. Правительство не давало ассигновок, денег не было. Земство имело в своем

портфеле 2 000 000 неоплаченных счетов. Школы, больницы требовали капитального ремонта. Разрушались шоссейные дороги; мосты через реки проваливались.

Финансовое положение Иваново-Вознесенской думы было не менее тяжелым, чем положение Шуйского земства. Работницы-солдатки бегали за членами Управы, простаивали долгие часы в очередях за пособием. По городу бродили калеки военные: на деревьях, слепые от удушливых газов, обезображенные — их можно было встретить на каждом шагу. Рабочие на фабриках были бесправны, низкая зарплата — 8—10 рублей, одиннадцати с половиной часовой рабочий день, старые, 1900 года, правила внутреннего распорядка.

Профсоюзы были загнаны в подполье, социальное страхование полностью не было проведено, партийная организация свирепо преследовалась, царил полный произвол фабричной администрации.

На фабриках появился новый тип рабочего: шкурник, лодырь, лавочник, сын фабриканта. Путем подкупа, подхалимства, подлизывания эта бражка освобождалась от посылки на фронт, как работающие „на оборону“. Они следили за рабочим движением на фабрике, донося на рабочих по начальству. А в то же время целые эшелоны 40-летних рабочих посылались на убой.

А жизнь день ото дня становилась тяжелее и тяжелее, положение рабочих с часа на час невыносимее и невыносимее. С рынка начали исчезать предметы первой необходимости: хлеб, сахар и прочее.

И сквозь патриотические завывания „Русского слова“ и других буржуазных газет, сквозь одуряющий треск церковных проповедей и мишуру благодарственных молебнов все яснее и яснее вырисовывалось настроение рабочих масс.

Ивановская большевистская организация, восстановившаяся после полицейского разгрома 1913 года, когда 70 членов организации были сосланы в Сибирь, учла полевание рабочих масс и решила повести их в бой против голода, вызванного войной, против самой войны и против царского правительства, затеявшего эту войну.

К 1915 году организация скопила такие силы, такполнила свои ряды, что в мае повела рабочих на экономическую забастовку.

Главным лозунгом этой забастовки было одно требование — „хлеба“.

Забастовка началась с Куваевской фабрики, где была наиболее крепкая большевистская ячейка (Гуляев, Соломонов, Царьков, Кокушкин и др.), и в два дня захватила буквально все фабрики и заводы.

Но эта забастовка была неудачной, она была сорвана, рабочие ничего путного от нее не получили.

Однако необходимо отметить один очень характерный момент, имевший место во время этой забастовки:

Солдатки стучали кулаками в двери Городской управы и требовали:

— Дайте наших мужей. Кровопийцы!

Рабочие ушли с площади со страшной злобой и весь военный патриотизм (а им ивановские рабочие и раньше-то не очень были заражены) совершенно исчез. Осталась в сердцах рабочих одна глубокая ненависть к войне и к царскому правительству.

Рабочие еще раз увидели, что царское правительство защищает капиталистов и еще более убедились в необходимости борьбы с самодержавием до его полного уничтожения.

Майская всеобщая забастовка явилась началом нового, еще большего подъема в революционной борьбе ивановских рабочих с капиталистами.

Большевики развили усиленную и успешную деятельность в рабочих массах.

На „лесных собраниях“, устраиваемых большевиками, стали участвовать не десятки, а сотни рабочих.

Большевики почувствовали себя настолько крепкими, что состоявшаяся в середине июля 1915 года окружная конференция большевиков (Ивановской, Тейковской, Родниковской, Вичугской, Кохомской и других организаций) выносит решение: „усиленно готовить рабочих к всеобщей забастовке, которую превратить в вооруженное восстание для свержения царского правительства“.

И в то время, когда большевики готовили рабочих к решительным боям, жандармы и полиция, узнавшие об этой подготовке через провокаторов, готовились к жестокой расправе с рабочими.

В ночь на 10 августа 1915 года был подвергнут аресту весь городской комитет Ивановской большевистской организации (Наумов, Кадыков, Черников, Краснов, Гаричев и др.).

Но несмотря на арест городского комитета нашлись молодые вожди, которые проводили все решения, принятые на конференции.

Тут же, как только рабочим стало известно об аресте, городская организация вывела их на политическую борьбу.

Как по команде остановились все фабрики и заводы.

Тысячные колонны рабочих снова вливались на площадь. И рабочие требовали теперь не хлеба. Они требовали:

— Долой войну!

— Война дворцам!

— Освободите арестованных!

Это боевое политическое выступление, этот смелый большевистский маневр достался не дешево.

К тюрьме, куда шли рабочие с намерением освободить арестованных, они не были допущены; произошел расстрел безоружных рабочих.

За стремление к лучшей доле рабочие заплатились кровью лучших сынов своих.

Августовский расстрел однако не остановил борьбы ивановских рабочих. Вскоре она приняла еще более широкий размах. Разбитые арестами ряды большевистской организации снова собрались с силами и возглавили это движение.

В январе 1917 года, третий раз за годы войны, в Иваново вспыхнула всеобщая забастовка. Ни одной фабрики не было безучастной. Забастовки продолжались на некоторых фабриках до десяти дней.

Рабочими предъявлялись не только экономические, но и политические требования—восьмичасовой рабочий день, освобождение женщин от непосильного труда, вежливое обращение с рабочими и пр., при чем нередко эти требования предъявлялись в ультимативной форме (фабрика Куваева, Полушина). Требования на этих двух фабриках были подписаны двумя столь хорошо знакомыми теперь словами: „Совет рабочих“.

Февраль принес еще большее ухудшение с продовольствием. Секретным донесением владимирскому губернатору иваново-вознесенский полицмейстер сообщает:

„В городе в настоящее время полное отсутствие муки, крупы, пшена и всех других продуктов продовольствия. У торговых лавок стоят колоссальные хвосты. Прибывшие на днях несколько вагонов муки ржаной были быстро расхвачены. Подвоз муки в город опять прекратился. В связи с этим на некоторых фабриках (Н. Гарелина и А. Гандурина) фабричные рабочие прекратили работу“.

Нечего говорить о том, что этот недостаток продовольствия, главным образом муки, в значительной степени создавался искусственно: с целью взвинчивания цен „кормильцы“ Куражевы, Латышевы, Макаровы, Черновы и пр., имевшие свои паровые мельницы и, безусловно, большие запасы муки, выпускали ее на рынок небольшими партиями, поднимая на

нее раз от разу цены. Во второй половине февраля положение с мукой обострилось настолько, что полиция была вынуждена, по настоянию рабочих, произвести обыск у торговцев. Нужно ли говорить о том, что этот обыск производился с ведома господ Куражевых и других, что к этому обыску торговцы были подготовлены, что обыски дали самые жалкие результаты? Так, у крупнейших торговцев-мукомолов Куражевых и Латышевых было обнаружено по полтора-два десятка мешков муки и крупы, что далеко не удовлетворяло нужды больниц и лазаретов. 22 февраля решено было ввести в городе хлебные карточки.

Эта вакханалия долго продолжаться не могла. Терпение рабочих должно было лопнуть.

В воздухе чувствовалось приближение надвигающейся революционной грозы.

Январские и февральские выступления показывали, что война со своими ужасами зашла в тупик. Язвы войны были видны на каждом шагу: сироты, дети, слезы солдаток, люди, опустившиеся на дно жизни, красноречиво говорили лучше всякого агитатора. Военная мясорубка не оставляла ни одного солдата здоровым. Разговоры: „ранили“, „убили“, „у меня приехал без ног“, „у меня слепой“... „Что же это, братцы, будет?“—раздавались на каждом шагу.

Перелом в умах произошел, рабочие ждали сигнала, рабочих не трудно было вывести на улицу.

На фабриках и заводах

1 марта получена телеграмма из Петрограда об отречении царя от престола в пользу брата Михаила.

Рабочие это известие встретили свободным вздохом. „Наконец-то сбылось сказание автора брошюры „Царь последыш“,—сказал один рабочий.—Очевидно в Петрограде творятся дела большие, серьезные“.

Рабочие сами стали любопытствовать, есть ли у них на фабрике такой человек, который взял бы инициативу почин, для начала указал бы, что делать рабочим. В каждом отделении сбегались рабочие в кучки, окружали старых революционеров, спрашивали о верности телеграммы и о том, думают ли они выступить на площадь.

Эта телеграмма как громом поразила администрацию фабрик. Они ничего не предпринимали к рабочим, когда видели, что станки и машины стоят. Служащие фабрики

ждали тоже руководителей и прямо задавали вопрос старым революционерам: „Что вы будете делать?“—„А ваше мнение?“—спросил один старый подпольщик конториста. Тот ответил: „Это дело не нашего ума, это—дело революционеров“.

Городской голова, многие заведующие фабрик и сами хозяева поставлены были в тупик, они не знали, что же делать. Еще больше была растерянность у начальства города.

Полицейская машина остановилась сразу, перед рулевым встал вопрос: заводить ли ее и пустить снова, по своему усмотрению? Требовалась чья-то крепкая рука, кто должен скомандовать к пуску полицейской машины.

Какие-нибудь два дня—и жизнь замерла. Катился девятый вал. Напрасно трещали телефоны—телеграф из Петрограда одно звучит: на улицах столицы революция.

На лицах „отцов города“ и частных собственников теплилась еще улыбка. „Ну, что же, и Михаил не плох будет государь“. Им шутя говорили: „Как сказать, как на это посмотрит рабочий класс, солдаты на чьей стороне окажутся, что скажет мужик“.

— Дай бог, если дело ограничится верховной властью Государственной думы,—говорил один директор крупной фабрики своему хозяину.—Видишь, рабочие зашумели как осы, выходит наружу из подполья крамола. Там, за станками идет агитация о выступлении рабочих на площадь.

— Да,—вздыхнувши сказал хозяин,—дождались шельмы. А в коридоре фабрики шел митинг рабочих.

Буржуазия совершенно растерялась. Даже городская дума на сей раз не могла собраться в течение трех дней. В революции выступил пролетариат, и выступил под руководством большевиков. Городская организация РСДРП (большевиков), сохранившаяся до этих дней, собиралась два раза. Для нее было ясно, что нужно делать:

— Надо врезаться в эти события тысячными отрядами рабочих батальонов,—сказал Захар Невский,—и продиктовать свою волю.

— И ни минуты оттяжки,—продолжал он.—2 марта остановим фабрики, заводы и выйдем все на площадь.

— Правильно,—согласился В. В. Гуляев.

— Политическая демонстрация с требованием революционной власти,—сказал т. Кокушкин.

На площади перед Городской управой

Движение на фабриках началось с 7 часов утра 2 марта 1917 года. Оно вылилось в фабричные митинги сначала в стенах фабрик, а потом на фабричном дворе.

На этих митингах вышли на первую линию революционной борьбы все сохранившиеся от реакции революционные рабочие, прошедшие в былые годы тюрьму и ссылку. С известием о свержении самодержавия они открыто вышли из своих щелей, встали на бочку, призывая рабочих на демонстрацию и объясняя события.

2 марта, с утра, после фабричных митингов, рабочие шли густыми колоннами на площадь к Городской управе (теперь „Площадь революции“). Эта площадь историческая: в 1905 году на этой площади рабочие решали свои нужды. Там в те времена был избран первый Совет рабочих депутатов. На этой же площади в 1915 году в мае требовали от правительства и городской управы хлеба, а в августе пришли с требованием прекращения империалистической войны и освобождения арестованных большевиков. За это требование рабочие были расстреляны по приказу полковника Смирнова. 2 марта 1917 года рабочие вновь собрались на эту площадь, но это были уже иные рабочие, выступление их было другое, чем в прежние годы. Рабочих не задерживали в фабричных воротах казаки и полицейские, рабочие уже не слышали окрика фабричного надзирателя. Спрятались долгие языки шпионов господина хозяина фабрики. Рабочие пролетарским чутьем почуяли волю. Но и в этот раз, как и всегда, они видели впереди себя своих неизменных вождей, старых испытанных руководителей, бывших боевиков, депутатов первого Совета рабочих депутатов 1905 года. Как ни сильно ударила реакция по Иваново-Вознесенской парторганизации в годы глубокого подполья, организация сохранилась, и 2 марта оказалась инициатором организованного выступления рабочих масс. Тысячи рабочих вывела она на революционную демонстрацию.

Огромная площадь к 10 часам утра была переполнена, появилась импровизированная трибуна—бочка. Один оратор сменял другого. Пришли бурылинцы с красным флагом. Во главе их—В. Кузнецов. Он взошел на трибуну.

— Вот так-то лучше, давно уж пора,—кричали знако-

мые ему товарищи. Они знали его по работе в подполье, по работе в больничных кассах.

— Товарищи, вам говорили на фабриках о событиях,— начал Кузнецов;—они для нас еще не совсем ясны. Но одно несомненно: самодержавие пало, власть находится в руках Государственной думы. Что же теперь нам с вами делать? Я думаю, что мы начнем с того, что мы делали и в первую революцию 1905 года. Вы знаете, что тогда у нас был Совет рабочих депутатов. Но вы также помните, что тогда нам не удалось многого завоевать. Царское правительство победило. Теперь царское самодержавие свергнуто. Давайте сегодня используем исторический опыт прошлой борьбы—выберем совет рабочих и солдатских депутатов.

Вы знаете также,—продолжал оратор,—что тогда у нас был совет только рабочих, теперь надо добиться такого положения, чтобы в совете были и солдаты. Надо произвести выборы и от солдат. Тогда мы будем представлять такую силу, для которой враги будут не страшны.

— Правильно!

— Надо арестовать полицию!—кричат голоса из рабочей массы.

— Есть такое дело. Главное начальство города уже арестовано,—ответил Кузнецов.

— Мало! Черносотенцев надо арестовать!—раздался женский голос.

— Хорошо, товарищи. Если это надо, то и их арестуем.

— Полковника Смирнова не забудьте!—кричат несколько голосов.

— К казармам!—предложил большевик Захар Невский.

— Кузнецов, призывай рабочих к казармам,—сказал В. Степанов.

— Товарищи,—говорит оратор,—идемте все к казарме 199-го запасного пехотного полка. Мы должны взять солдат в свою семью и вместе слиться для общего дела.

И тридцатитысячная масса рабочих с тремя красными флагами впереди густой лавиной поплыла по улицам. Кто-то запел „Марсельезу“, несколько голосов подхватило и в общем хоре почувствовалось грозное, сильное воодушевление. Все улицы по направлению к казармам были запружены народом.

Солдаты назаперти

Людские потоки с разных концов заливали площадь у Небурчиловских казарм. Вся передняя часть ограды была облеплена рабочими. К центральному ходу подошла главная масса, три красных флага скрестились над воротами. В узкой калитке стоял часовой. По приходе рабочих он нарушил дисциплину—вышел за калитку. Подошел дежурный офицер—часовой смутился. Однако офицер не дал ему выговора за то, что он сошел с своего определенного места. Казалось бы, что случай исключительный; но ведь на улице революция!

Пусто было во дворе. Тихо в казармах. Рабочие кричали:

— Да здравствуют солдаты! Ура!

Офицер спросил руководителей, что им нужно от солдат.

— А вы разве не догадываетесь, зачем пришли рабочие?—задал вопрос Василий Яковлевич Степанов и добавил:

— Нам нужно солдат влить в рабочую семью. Зачем вы их не выпускаете, зачем держите под замком? Разве вы от них скроете революцию?

— У нас имеется приказ командующего Московским военным округом не выпускать солдат из казармы,—говорит офицер.

— Нелепый приказ,—раздается голос из толпы.

Солдаты из окон казарм сквозь стекла махали платками, рабочие объяснялись с ними знаками, звали к себе.

Договорились на том, что дежурный офицер допустит трех представителей солдат к рабочим. Пришли три солдата. Им заявили:

— Завтра солдаты должны выбрать депутатов в Городской совет и к 11 часам быть на площади.

Напоследок была сказана одним из руководителей речь:

„Ушли жестокие дни в вечность. Солдаты стрелять в рабочих больше не будут. 30 тысяч трудящихся, плечо в плечо с полком революционных солдат—вот защита революции. Это абсолютное большинство города, чтобы творить нашу волю“.

Митинг закончился, рабочие пошли по домам. Руководители-большевики условились вечером собраться в здании Потребительского общества.

Историческое заседание

В здании Потребительского общества „Единение—сила“ до глубокой ночи заседала Исполнительная комиссия РСДРП (большевиков). Впервые за двадцать пять лет (1892—1917) заседала легально, не боясь шороха и стука полиции и провокаторов.

События в Петрограде сигнализировали о серьезности момента. Большевикам-ленинцам нужно было выполнять свою историческую роль. Надо было еще более организовать рабочий класс, надо повести за собой вооруженные солдатские массы. Вот первый вопрос, который поставил перед собой Городской комитет партии. На общем собрании-митинге у Городской управы было решено произвести выборы депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Но это не все. Надо было руководить выборами на фабриках. Перед заседанием не мог не встать такой вопрос: кого же посылать? По выступлениям тт. Невского, Соломонова, Гуляева было видно: надо посылать в совет революционеров, испытанных в боях 1905 года. Выяснилось, что нет ни одной фабрики, где бы не было этих людей. Поручили на каждой фабрике руководить выборами ответственным, испытанным товарищам. Связь у Городского комитета партии имела со всеми крупными фабриками.

„Нам нужно организовать Совет рабочих и солдатских депутатов, подобрать из своей среды, главным образом, руководителей,—говорит Захар Невский,—не взирая ни на что, мы должны сосредоточить все свое внимание вокруг Совета. Помнить наши цели и задачи, поставленные перед нами Центральным комитетом партии“.

После Невского ораторы высказывались наперебой. Один предлагал арестовать всю полицейскую власть. Другой говорил об освобождении из тюрьмы политических заключенных и т. д. Собрание прежде всего обсудило вопрос о президиуме Совета. Тут же было решено остановиться пока на троих: председателе Кузнецове и двух заместителях—В. Я. Степанове и Марке Иванове. Несмотря на переговоры 2 марта с солдатами, решили еще раз послать своего представителя в полк, чтобы обязательно добиться присутствия солдат на площади вместе с рабочей демонстрацией 3 марта.

Далее был поставлен вопрос о пополнении партийных рядов новыми членами.

Каждый присутствующий чувствовал большую ответственность. Ведь каждый товарищ получил от Комитета известное поручение, его надо выполнить к 11 часам.

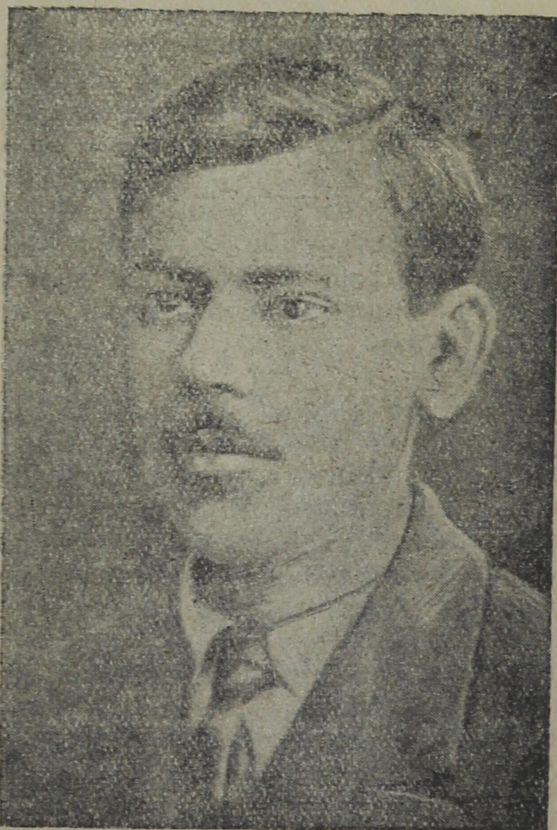
Директивы были даны. Надо было их выполнять.

Собрание затянулось до глубокой ночи.

Тихо было в городе в эту ночь. Ни одного городского на постах. Даже колотушка уличного сторожа замолкла. Робко ныл колокол, выбивая часы. Ворвалась революция на улицы города и от ее тяжелой поступи все старое затихло, оробело, растерялось.

Рабская крепостническая Россия почувствовала свой конец. С рассветом встанут тысячные массы, выйдут на арену коллективного творчества и будут громко призывать к борьбе за полное освобождение рабочих и крестьян.

Открыта новая страница истории борьбы труда с капиталом, начался новый день нашей большевистской организации, когда она освободилась от глубокого подполья и вышла на просторную дорогу, ведущую к мировому Октябрю.

В. Я. Степанов.

3 марта на площади у Городской управы

С утра на фабриках и заводах шли фабричные собрания. На каждой фабрике и заводе на трибуне стоял старый революционер, активный участник первой революции 1905 года, депутат „Талки“, прошедший тюрьму и ссылку. Как только эти товарищи получили указания от Исполнительной комиссии Городского комитета партии большевиков о пере-выборной кампании, они приступили к делу. Городской комитет указал не только количество депутатов от каждой фабрики (четыре-пять человек), но дал ясную установку, кого нужно выбрать в Совет. И вот результат выборов:

Из 150 человек 65 были большевики. Они неизменно работали не только в Совете, но и во фракции Революционного комитета, в Социалистической думе. Они вместе с подпольщиками, вернувшимися в первые дни Февральской революции из ссылки, были активными участниками Октября. Из большевиков, избранных 3 марта в Совет, помню следующих товарищей: Косарева И. П., Баранова В., Баранова К., Разумову М. Н., Платову, Монину, Тарасова, Потоскуева, Погодичева, Белова В. А., Гуляева В. В., Соломонова, Кокушкина, Степанова В. Я., Кузнецова В. И., Иванова М., Рыбина В., Платкова, Лапина, Зверева И. М., Уткина, Кашину, Бурлакова, Карнаева, Стулова, Воробьева, Жугина А. И., Федорова А. Ф., Скороходова, Капустина, Корнилова Н., Голышева, Маслова И. С., Шашунова, двух братьев Рогозиных, Цибизова, Андриянова, Воловинского А. И., Милова, Галкина, Лепилова, Полянина, Тарасова А., Колесанова, Смирнова, Малкова, двух братьев Куконковых, Шорохова Д. И., Андреева В., Нюхалова, Полякова, Куклева, Колесникова, Крупина, Балдина.

Этот список депутатов первого в дни Февральской революции Совета рабочих и солдатских депутатов имеет крупное историческое значение.

Имена всех этих революционеров, участников подпольной жизни нашей партии, должны быть сохранены в нашей памяти.

Многих из них уже нет в живых. Не мало их погибло на красных фронтах в борьбе с белыми бандами.

Оставшиеся в живых до сих пор идут неизменно по пути ЦК партии, высоко несут ленинское знамя.

В 11 часов утра все рабочие были на площади. Площадь была набита народом до отказа. Здесь не видно было людей в манишках, кисейных дам, чиновников, людей торгового мира. Посредине этой плотной массы была поставлена трибуна—початочный ящик.

На трибуне—представитель Городского комитета партии большевиков.

Городской голова Семенов просит разрешения раздать листовки—призыв Временного правительства.

Председатель митинга ему это разрешил: „Раздай, пускай читают“.

Городскому голове тут же было предложено приготовить в Городской управе помещение для Совета.

В эту тесную многочисленную массу рабочих вклинился 199-й полк солдат в полном вооружении.

На приветствие председателя митинга солдаты ответили долго несмолкаемым „ура“.

Две мощные силы слились в единый революционный поток, против которого невозможно подыскать силу противодействия.

Пришли и старые полицейские приветствовать революцию. Но до чего они были комичны, жалки! Рабочие их сжали со всех сторон и подняли на разные шутки и смех.

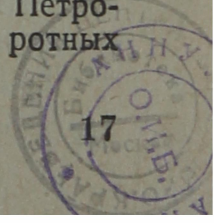
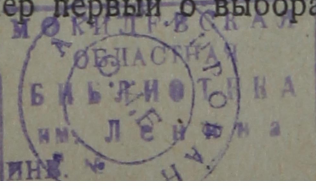
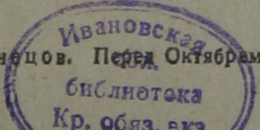
Желтые казаки приехали на конях с красным флагом, но, постояв в раздумьи в переулке минут десять, ускакали, разорвав красный флаг. Им вдогонку кричали: „Чтобы ни ногой на площадь, палачи, душегубы!“

Длинной вереницей потянулись выбранные депутаты в здание Городской управы. Рабочие потеснились, чтобы дать им пройти и чтобы посмотреть еще раз на своих выбранных. Шутки, веселый смех, наспех наказания...

Ушли и солдаты в казармы. Солдаты видели, что рабочие послали своих депутатов. У солдат этого не было; они дали тут же слово, что скоро пришлют своих представителей в Совет.

Восемь часов потребовалось солдатам, чтобы убедить офицеров, которые тормозили выборы депутатов в Совет. Командование полка все еще ждало каких-то особых приказов, но оно не получило от своего окружного начальства ни слова. Зато Ивановский совет получил от Петроградского совета приказ номер первый о выборах ротных комитетов.

825-71-428
17-428

Городской голова приготовил под Совет помещение в зале бывшего Окружного суда.

Усаживались депутаты в неуклюжие старинные кресла. Здание Управы буквально было облеплено народом. Парадные двери под напором трещали. Полезли с заднего хода. Лезли в окна. Всем хотелось попасть на первое собрание Совета. Никому не хотелось быть без дела. Многотысячная толпа требовала дела. Рабочие поэтому заявляли депутатам: „Мы не разойдемся по домам до тех пор, пока вы не разрешите все вопросы сегодняшнего дня“. Рабочие тут же сами взялись разоружать городскую полицию.

Тысячи рабочих, сначала без всякого оружия, рассыпались по городу. Отбирали у полицейских револьверы, шашки. Надевали эти военные доспехи на себя. Вставляли на посты по охране города. Вооруженные первые отряды рабочей милиции поставили над собой революционное начальство: штаб рабочей милиции.

Прапорщики Батманов и Постышев и рабочий В. Андреев (газетчик)—эта тройка и приступила к дальнейшим своим действиям. Этот первый штаб разогнал какое-то самозванное собрание на Графской земле, в школе. Они брали на учет отобранное у полиции оружие. Образовали склад при Совете.

Рабочие приходили в Совет с оружием.

Тащили охапками шашки, пустые ножны, револьверы, ружья, нагайки.

А в это время чины полиции, арестованные накануне, сидели в клубе приказчиков, где в былое время гремела музыка, шампанское лилось рекой.

Они сидели перегороженные слемами.

К ним была приставлена пролетарская стража, у каждой „особы“ часовой.

Первое заседание Совета

Здание местного самоуправления—Городская управа—было первым местом заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. Полторы сотни депутатов рабочих и солдат занимают большой зал Окружного суда. Коридоры, проходы и лестницы—все было переполнено народом. Все с силой лезли вперед. Шум стоял невообразимый. Уже начинались

споры. Кто-то требовал к себе Кузнецова, иные лезли целыми группами, требовали включить их представителей в Совет.

Туркин заявлял от жителей М. Ушаково: „Что вы, как это можно без своего представителя в революционной власти“.

Кадет Ефимов требовал включить депутатов от партии народной свободы.

Калинина, служащая б. Управы, называла Кузнецова безграмотным: „Ты не марксист,—говорила она.—У Маркса нет указания на Совет рабочих и солдатских депутатов, нужно дать всему населению представительство“.

Повыше, за зеленым столом сгруппировались большевики—инициаторы всего движения.

Заседание открыл В. П. Кузнецов.

— Собрание Совета рабочих депутатов считаю открытым. Предлагаю избрать председателя.

— Кузнецова!... — раздалось по залу.

Дальше постановили в президиум избрать еще пять человек, двух заместителей председателя,—избраны были Степанов В. Я. и Сергеев, и трех секретарей,—избраны были Жохов эсер, Куприянов и Марк Иванов.

Наступила маленькая пауза. В президиуме зашумели бумагой. Секретари вооружились карандашами. Пришли солдатские депутаты. Двенадцать представителей, все рядовые. Под шумные, радостные аплодисменты они заняли места.

Обсуждался вопрос о пуске фабрик. Стали судить, надо ли продолжать политическую стачку или приступить к работе. Решения этого вопроса ждали рабочие, стоящие плотной толпой на площади.

Решили...

Угрозы со стороны врагов революции нет. Рабочие могут выступить по зову Совета рабочих и солдатских депутатов в каждую минуту. Только три часа им потребуются, чтобы быть готовыми явиться в опасные места города. А поэтому:

„Рабочих распустить по домам, приступить к работе на фабриках с 4 марта, с 4 часов утра для сменных и с 6¹/₂ часов для денных“.

Это решение тут же было объявлено рабочим.

Рабочие после этого объявления не разошлись. Они требовали ареста полковника Смирнова.

Рабочие кричали: „Самосуд устроим убийце, если не будет арестован“.

Совет послал за ним трех депутатов и двух человек из рабочей милиции.

Через час Смирнова привели в Совет. С ним пришли все офицеры 199-го полка.

Полковник, седой старик, красный, как рак, стоял на трибуне и просил только одного: „Я не прошу пощады— это бесполезно. Я прошу дать охрану во время моего отбывания ареста из простых граждан, только не солдат. Мне тяжело смотреть на них, так как я тоже солдат“. Офицеры просили оставить его под домашним арестом.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

„За преступление перед рабочим классом, содеянное 10 августа 1915 года, когда взводом под командой прапорщика Носкова, по распоряжению начальника Ивановского гарнизона—полковника Смирнова, была расстреляна демонстрация рабочих, где оказалось 30 убитых и 53 раненых,— подвергнуть Смирнова аресту при Совете, поставив караул из членов Совета“.

Третьим вопросом Совет решил:

„Подвергнуть аресту жандармский и полицейский архивы и склад оружия“.

Осуществить это решение нужно было немедленно, потому что из достоверных источников Совет получил сведения о том, что ценные архивные документы сжигаются, а оружие разбазаривается.

Говорили, что сжигают прежде всего документы охранного отделения, касающиеся работы провокаторов.

И в то же время в Совет сообщили, что среди депутатов есть провокаторы.

Совет немедленно занялся этим вопросом и тут же обнаружил, что таковые действительно проникли в число депутатов. Их было двое: Сергеев—с завода № 4 (охранная кличка—„Темный“) и Степанов Семен—из потребительского общества „Единение—сила“ (охранная кличка—„Морской“). Оба активные агенты охраны.

Провокаторов арестовали.

Арестовывая представителей старой власти, надо было принять все меры к освобождению из тюрем арестованных царскими опричниками революционеров-большевиков. Поэтому Совет на первом же заседании обсуждал вопрос об освобождении из Шуйской тюрьмы Краснова Ивана, Наумова Валериана и других.

На имя начальника Шуйской тюрьмы Советом была послана телеграмма: „Немедленно освободите таких-то.

Ответа ждем по телефону. Иваново-Вознесенский совет рабочих и солдатских депутатов“.

Ответ был получен: „Освобождены в 3 часа ночи. Начальник тюрьмы такой-то“.

Такое же решение было послано во Владимирскую тюрьму о Морозове Василии Евлампиевиче, политкаторжанине.

Созданной на заседании Совета Судебно-следственной комиссии было поручено проверить всех арестованных, находящихся в Ивановской тюрьме.

Последним решением Совета по предложению приехавшего из Кинешмы И. А. Салова было: организовать Временный комитет общественной безопасности из представителей Совета, Городской думы, политических партий, кооперативов и других общественных организаций.

В конце заседания в Совет вваливается помощник начальника Жандармского управления, подходит к президиуму, становится во фронт, берет под козырек и отчеканивает новому начальству: „Все дела по моему ведомству в порядке. Дела сдал комиссии, архив опечатал. Оружие взято на учет комиссией, проверено и записано“.

— Ну все, ступай,—говорит председатель.

Он еще раз взглянул председателю в глаза, повернулся и зашагал к выходу под смех всех депутатов.

Они тоже зашевелились

Городская буржуазная интеллигенция: гласные Думы, юристы, учителя собирались в здании Городской думы. К 12 часам ночи собралась внеочередная Городская дума, с представителями вышеупомянутой интеллигенции. Салов и здесь предложил избрать Комитет общественной безопасности, в который входили бы представители всех общественных организаций. По этому проекту вошли представители от местного учительства, от общества фабрикантов и заводчиков, от торговцев, от больничных касс, от потребительского общества, от мещанской управы, от Совета.

Комитет в своем заседании принял проект Салова о создании городской милиции, при чем выбрал начальником милиции крупного мануфактуриста С. И. Соколова под-

твердил решение Совета об аресте полковника Смирнова, об аресте жандармского архива, об аресте полицейской власти. Вошедшие в Комитет члены Совета рабочих и солдатских депутатов в количестве 15 человек провели своего представителя в президиум Комитета. Была послана приветственная телеграмма Временному правительству, на этом и было закончено торжественное заседание комитета общественной безопасности.

Этот комитет общественной безопасности—орган Временного правительства—родился уже тогда, когда Совет рабочих депутатов обезоружил и арестовал старую власть, когда Совет выступил в качестве единственной революционной власти.

И несмотря на установившееся двоевластие, рабочие признавали своей властью только Совет, куда они непрерывным потоком шли со всеми своими запросами, со всеми нуждами.

Комитет же они совершенно не признавали, явно игнорировали и даже называли презрительно—„комитет общественной опасности“.

Вскоре комитет был переизбран. Лишили представительства в нем фабрикантов и торговцев. Назвали революционным комитетом. Но название не изменило дело. Комитет не мог сделать ничего путного, его и без того маленький авторитет все падал и падал.

А Совет рос и мужал.

Он был организатором рабочих масс. Он вмешивался в конфликты труда с капиталом. Он вместе с комитетом большевистской партии организовал профсоюзы и фабзавкомы.

На фабриках шла борьба рабочих за повышение заработной платы, за увольнение нежелательных фабричных администраторов.

В городе назревал хлебный конфликт: хлеб исчезал из лавазов, цена была спекулятивная. Фабриканты задерживали зарплату рабочим. В то же время усиленно вывозили ситец, продавали фабрики (Полушин).

Борьба с фабрикантами и торговцами—такая задача была революционному комитету совсем не по вкусу. Вместо этого вновь испеченный начальник милиции на другой же день распустил рабочую милицию. Произвел набор снова. Туда попали люди, чуждые рабочему классу. Соколов роздал массу оружия тем, которым не следовало бы давать.

Как видим, у Совета и у Комитета совершенно различные пути и интересы.

У революционного комитета была цель и стремление популяризировать Временное правительство и Керенского, помогать войне, организовать „Заем свободы“, послать на фронт здешний 199-й полк, произносить либеральные речи о многострадальной родине.

Совет шел по иному пути. Он был против войны с первых дней своего существования. Он был против „Займа свободы“. Он стоял за то, чтобы послать на фронт казаков, полицию, жандармов. Совет категорически не отпустил 199-й полк из города. Совет облегчил участь пленных солдат: немцев, турок, австрийцев. Совет требовал с первых дней от фабрикантов прибавки заработной платы рабочим, уменьшения рабочего дня. Совет зорко следил за фабриками, есть ли там топливо, хлопок. Контролировал вывоз мануфактуры, укреплял тесную связь с солдатами. Крепил революцию, борясь с меньшевиками и эсерами, мешавшими работе Совета, пытавшимися превратить Совет в пустую говорильню. И не было ни одного дня, когда Ивановский совет изменил бы большевистскому знамени. Фракция большевиков была в нем признанным и действительным руководителем.

Линия Ивановского совета всегда была большевистской. Уже 12 мая Совет вынес резолюцию против войны и против Временного правительства, указывая в ней, что вся власть должна перейти к советам рабочих и солдатских депутатов, как „единственным органам, способным вывести страну из тупика“.

Но большевики знали, что одних резолюций недостаточно. Неустанно критикуя политику Временного правительства, они не забывали о том, что придется прибегнуть к критике оружием.

И Ивановский совет обращал очень большое внимание на то, чтобы завоевать на свою сторону солдат.

Работая под руководством большевиков, Ивановский совет рабочих и солдатских депутатов успешно справлялся со всеми стоящими перед ним задачами.

Ведь в первые же дни Горсовет столкнулся с тяжелыми условиями жизни рабочих. Рабочие, придя с площади на фабрики, вернулись к тому положению, какое было и до революции. Низкая зарплата, ненавистная фабричная администрация, длинный рабочий день. Не было ни одной фабрики, завода, где бы не возникал тот или иной конфликт.

Совет организовал конфликтную комиссию, реальные факты требовали радикальных мер. Рабочие напирала на

своих депутатов, спрашивали: „В чем же улучшение после свержения самодержавия“.

Перед Советом встал вопрос об улучшении положения рабочего класса. Рабочие при помощи конфликтной комиссии добиваются уступок, сменяют неугодных администраторов и т. д.

Приказ № 1

Не менее важной задачей перед советами была задача организовать солдат. Полк солдат попрежнему был в руках начальства со старыми козырями: „так точно“, „никак нет“.

Совет получил приказ от Петроградского совета следующего содержания:

„Всем! Всем! Организуйте полковые ротные комитеты“.

Целую ночь заседали представители Совета с офицерством. Последние никак не хотели организовать комитеты: „Комитеты,—говорили они,—внесут дезорганизацию, разрушат дисциплину и тогда не будет больше солдата боевика“. При помощи сильной группы революционно настроенных солдат Совету все же удалось организовать полковой комитет. В него вошли большевики: А. И. Жугин и А. Ф. Федоров, за ними пошли и другие. Через несколько времени в полку образовалась большая группа большевиков. С этого времени 199-й пехотный запасный полк стал помощником Совета и на стороне рабочего класса. Полковой комитет взял все оружие на учет, огнесклад стали охранять особые часовые. Приказу военного округа снять 199-й полк и послать его в Александров полковой комитет не подчинился, опираясь на постановление Совета рабочих и солдатских депутатов.

Городской совет вынес особое постановление, выставив революционные мотивы отказа.

Полковой комитет посылал особый отряд в Кинешму на усмирение солдат, поддавшихся провокации местных торговцев, спивших солдат спиртом. Был подан особый экстренный поезд, по требованию Городского совета.

В Кинешме, конечно, ничего не случилось. Пьяные солдаты пошумели и проспались.

Но Ивановский совет сделал распоряжение убрать все пиво и запас спирта и послал телеграмму в Шую и Александров: „Солдат спаивают враги революции. Примите меры предосторожности“.

Новое помещение

Тесны стали стены Управы для Совета. Велики стояли перед ним задачи. Совет явочным порядком занимает особняк братьев Куражевых (на Степановской улице, бывший дом Генералова). Те метнулись жаловаться в Комитет, к своей власти. Получили ответ от председателя Комитета: „Ничего не могу поделывать и не могу ссориться с Советом. Чорт ли с ними сделаешь,—это сила“.

Куражев просит Совет заплатить ему аренду.

— Нет у нас денег,—отвечает Совет.

— Нет у нас власти,—сказал раздосадованный Куражев.

Приезд в Иваново-Вознесенск товарищей из ссылки и тюрем, посылка делегаций в Петроград и Москву позволили Совету поставить работу во весь рост. В новом помещении Горсовет реорганизовался, появились новые отделы, расставили свои силы, распределили роли. Был организован Исполнительный комитет Городского совета с отделами: культурный, финансовый, солдатская секция, городское бюро страховых касс, революционное бюро городских профессиональных союзов. А. С. Голышев, Маслов Д. С., М. Шашунов, Е. Кисельников взялись за организацию профсоюзов.

Были намечены: Союз ткачей, ситцепечатников, металлистов, торгово-промышленных служащих. Была развита усиленная агитация, устраивались сотни собраний на фабриках, на площадях, в цирках, в театрах. Был организован отдел печати. Решили издавать „Известия Иваново-Вознесенского совета рабочих и солдатских депутатов“ (печатались в типографии Бибанова, 3-я Ильинская улица), а газету „Русский Манчестер“—орган мелкобуржуазной городской думы—Совет впоследствии закрыл.

При Совете была составлена согласительная комиссия по переговорам с фабрикантами, в нее вошли лучшие депутаты, большинство большевики.

Эта новая работа требовала сил и средств. Было решено на содержание Совета отчислять от заработка рабочих известные проценты. Рабочие теперь видели, что Совет всерьез занялся делом. Работа в Комитете общественной безопасности потускнела—все взоры были обращены на Совет, где образовались фракции различных партий.

Внутри Совета разгоралась партийная борьба. Эсеры и меньшевики резко выступали против большевистской фракции.

Согласительная комиссия

Конфликтная комиссия, созданная при Совете с первых дней революции, стала не нужна, при Совете организовалась Комиссия труда. Это было вызвано тем обстоятельством, что в городе стала появляться масса безработных. Фабрики стали сокращать производство, так как хлопок не подвозился, топливо подходило к концу. Совет решил мирно переговорить с фабрикантами о решении конфликта между трудом и капиталом. Фабрикантам было заявлено, чтобы они выделили в комиссию 12 представителей. Назначили день заседания в Торговой школе. Представители труда подготовили основные требования.

За длинным зеленым столом собралась согласительная комиссия. Рабочие сели на левой стороне, купцы на правой. Сошлись как люди, не видевшие друг друга сотни лет. Несколько минут измеряли глазами друг друга. Полубенин, фабричный инспектор, ходил взад и вперед и что-то обдумывал, перебирая пальцами рыжую бородку...

— Так давайте, господа, начнем,—сказал Полубенин.

Председатель собрания, фабрикант Гандурин, не знал, что делать и сказал:

— Пожалуйста начинай.

— Но прежде чем начать, нужно спросить представителей Совета, в чем дело?—сказал Н. Зубков.

— А разве вы не знаете, в чем дело?—сказал Н. А. Жиделев.—Война или мир? Я вас спрашиваю.—Жиделев сгоряча встал.

— Ну, куда тут война в свободной стране,—сказал фабрикант Бурылин.

— Что вы, бог с вами, давайте говорить о том, как улучшить труд рабочего. Начнем с того, я думаю,—сказал Полубенин,—что заслушаем, чего же хотят представители Совета.

— Извольте,—заявили рабочие представители.

В. Я. Степанов прочел то постановление, которое было утверждено Советом: представители труда согласны вести мирные переговоры на основе следующих основных требований: ввести немедленно восьмичасовой рабочий день во всех предприятиях торговли и промышленности, минимум зарплаты—6 рублей в день, ввести контроль над производством через фабричные комитеты. Если господа фабриканты будут согласны это признать, то мирные переговоры начать немедленно.

Пауза. Опять глядят друг на друга. Фабриканты были в неловком положении. Зубков полез к графину с водой. Гандурин оправлял свой воротник, снял пушинку с левого рукава своего фрака.

— А позвольте вас спросить—вы говорите от имени рабочих?—спросил Волков И. Н., директор фабрики Н. Гарелина.

— Это им подсунул какой-нибудь безответственный студент,—сказал В. Гандурин.—Рабочие этого не знают, мы вас за представителей рабочих считать не можем.

— Хорошо, если не желаете, мы докажем, что мы представители рабочих,—сказал Кузнецов.—Через три часа будут здесь у школы 20 000 рабочих—у них вы и спросите, кто мы.

— Час от часу не легче. То вы говорите о мире, то опять грозить начинаете.

— Нам хочется вас убедить, кто мы такие,—сказал К. Баранов.

Я думаю устроить перерыв,—сказал председательствующий.

Это резонно вы говорите, Сергей Николаевич!—сказал Гандурин.

После перерыва фабриканты заявили, что они на эти требования отвечать от всего общества фабрикантов не полномочны, так как общество объединяет текстильную промышленность Шуи, Тейкова, Кинешмы, Вичуги.

Они предложили назначить согласительную комиссию и собраться в Москве на 12 мая, пополнить комиссию с той и с другой стороны по 6 человек из других городов.

Так ни с чем и разошлись. Фабриканты разъезжались на своих рысаках по домам, довольные тем, что они еще на две недели оттянули переговоры. Рабочие представители пошли на фабрики устраивать вечерние митинги.

Завоевание масс большевиками

Не дожидаясь результатов мирных переговоров с фабрикантами Городской совет горячо взялся за организацию рабочих масс. Большевики учли, что организовать и завоевать массы следует прежде всего через профессиональные союзы. Они не выдумывали иной формы организации, кроме формы, испытанной в 1906 году—организации по профессиям: ткачей, ситцепечатников, слесарей и т. д.

В одну неделю было проведено четыре учредительных конференции, на которых делались доклады о значении союзов, сообщались материалы о мирных переговорах с хозяевами. На конференциях ставили вопросы о подготовке к всеобщей забастовке и организации стачечных комитетов. Тут же выбирались правления союзов, куда проходило большинство большевиков. Эти союзы и взяли на себя руководство согласительной комиссией и роль конфликтной комиссии, которые были при Совете,

К июлю 1917 года профсоюзы широко развернули работу по организации снабжения фабрик топливом и хлопком. Они вели упорную борьбу с саботажем фабрикантов, которые, намереваясь остановить фабрики и выкинуть на улицу революционных рабочих, совершенно перестали заботиться о снабжении фабрик сырьем. Одновременно профсоюзы заставляли фабрикантов своевременно выдавать зарплату и добивались ее увеличения.

Профсоюзы приступили также к организации безработных, к подысканию работы для них, к оказанию им денежной помощи.

В то же время профсоюзы готовились к стачке, в случае, если переговоры с фабрикантами на согласительной комиссии в Москве не приведут к удовлетворению требований рабочих, выработанных Советом.

А что мирно от фабрикантов ничего не получишь—это предчувствовал каждый рабочий.

Готовясь к стачке, профсоюзы главное свое внимание уделили созданию и укреплению низовых профорганов. Не мало сил было положено первыми пионерами профсоюзов на организацию фабрично-заводских комитетов. Фабриканты и их лакеи всячески старались сорвать организацию фабзавкомов. Все же в конце-концов союзы сломили упорство фабричной администрации, заставили ее признать фабзавкомы как правомочные органы рабочего класса и их постановления проводить в жизнь.

Кроме того профсоюзы взялись за разрешение острого и наболевшего продовольственного вопроса. Для лучшей организации снабжения рабочих продовольствием было решено три существовавших тогда в городе потребительских общества („Единение—сила“, „Почин“, „Общество фабрикантов и заводчиков“) слить в единый рабочий кооператив.

При осуществлении этой идеи пришлось испытать сильное сопротивление со стороны примазавшихся к этим обществам саботажников, спекулянтов и всяких проходимцев.

В тон с этой публикой выступали меньшевики и эсеры. Эсеры с пеной у рта защищали эти общества от большевиков.

„Вы не имеете права распускать народные общества“— говорили они.

Но эти истерические крики не помешали большевикам делать свое дело.

Даже в эти дни, в дни господства эсера Керенского, ивановские эсеры, так же как и меньшевики, не пользовались среди рабочих никаким успехом.

Рабочие всецело шли за большевиками, безраздельно им доверяя.

В Москве

Развязка мирных переговоров с фабрикантами произошла в Москве 12 мая. Ни одно из предъявленных рабочими требований фабрикантами удовлетворено не было.

— Восьмичасовой рабочий день пусть вводит учредительное собрание,—говорил Неведомский, вождь фабрикантов.

Прожиточный минимум зарплаты (6 рублей в день) согласились рассматривать. Была создана особая комиссия, заседавшая три дня. Считали, пересчитывали, опять считали—никак не выходит 6 рублей—2 р. 50 к. на день, да и только...

Мы, например, считаем сапог кожаных две пары надо. Фабриканты кладут одну пару на два года. Мы берем зимнее пальто одно на два года, они—на пять лет. Они считают ветчину, фрукты роскошью...

— Контроль над производством никоим образом не допустим,—сказал другой их вождь, Рот.—Вы хотите,—добавил он,—чтобы я своей фабрике не был хозяином. Это нарушит все законы о частной собственности.

Рабочие представители заявили:

— Все мирные средства считаем исчерпанными. Рабочая делегация оставляет за собой полную свободу действий.

На почве этих неудавшихся переговоров Городской совет и партия большевиков развили широкую агитацию.

Женские ударные батальоны смерти

Правительство Керенского в мае проводило государственный „Заем свободы“. По городу разъезжали разукрашенные флагами повозки. Ораторы, сторонники Керенского, бросали лозунги:

— „Да здравствует свобода!“ „Да здравствует Керенский!“

В городе организовали сбор вещей под лозунгом: „Что тебе не нужно“. Потасили граждане обрезки железа, тряпья, старый ненужный хлам. На городских улицах груды этого добра лежали два года. С трудом удалось его вывезти на свалку. Вся эта шумиха была поднята для поднятия популярности Керенского, который в глазах эсеров и буржуазии был спасителем России от большевиков.

Для укрепления популярности войны „до победного конца“ и вовлечения в нее новых масс Керенский бросил по всей стране лозунг:

„Организуйте женские батальоны смерти!“

Разъяснение этого маневра дала Матрена Николаевна Разумова. На собрании женщин на фабриках она рассказала, что это значит:

— Вот, товарищи женщины, смотрите: Керенский готовится сделать общее наступление против немцев, сам заделался главнокомандующим всеми вооруженными силами. Ему мало мужчин, он призывает женщин. В Москве и Петрограде нашлись дуры,—надели солдатские штаны и шинели и приучаются к военному делу. У нас в городе тоже вербовка идет.

Работницы смеялись:

— Какие дуры пойдут.

Напротив, буржуазные дамы откликнулись на этот призыв. В Иваново-Вознесенске была попытка организовать батальон смерти. Во главе этой организации встали жена фабриканта и жена адвоката.

Правда, эти две особы сами не записались, не надели на себя шинели, не взяли ружья, не показали работницам пример. Они нашли первых женщин из солдаток, выдали членские книжки и записали их. Эти обманутые женщины были членами Совета солдатских жен, организованного тт. Разумовой, Платовой, Самариной. Тов. Разумова, как только об этом узнала, пошла к записавшимся и стала убеждать их. Она говорила:

„Знаете ли вы, куда вы записались? Вы не знаете, что вас обманули, как малых детей.

Разве мало вам, что ваши мужья и братья погибли на Карпатах. Так теперь надо, чтобы погибли вы! Этого ли вы должны добиваться, товарищи женщины? Теперь на всех фронтах, в окопах идет братание русских солдат с немцами. Они уже договорились, поняли свое безумие, поняли, за кого они гибнут. И вот результат, товарищи: русская армия отказывается идти в наступление. Австрийские солдаты переходят в плен целыми полками, немцы уходят в глубокий тыл. Те, и другие, и третьи заявляют, что они воевать не хотят. Нашу большевистскую газету „Окопная правда“ считают своей родной газетой.

А Керенский произносит истерические речи о гибели государства, призывает к благоразумию солдат. Ему не жалко жертв, ему нужна полная победа над немецким, турецким народом, ему нужны Дарданеллы, ему нужна слава. Он продан капиталистам. Понимаете ли вы, куда идете? И знаете ли вы, куда вас зовут большевики? Мы против батальонов смерти, мы за братание. Мы против войны. Бросайте билеты, заставьте идти буржуазных дам“.

Разумова добилась своего. Все записавшиеся побросали книжки. Попытка создать в Иванове женский „батальон смерти“ потерпела крах в самом начале.

Бурное заседание Борьба с эсерами

Комитет общественной безопасности был распущен, организован революционный комитет. Председателем его был эсер, заместителем был большевик. В комитете образовались три фракции: большевики, меньшевики, эсеры. Начальник милиции Соколов был смещен: большевики провели кандидатуру В. С. Бубнова (интернационалиста).

В конце апреля было бурное заседание; какой-то прапорщик приехал с фронта. Выступая на собрании, он сказал, что солдаты пойдут в наступление, но большевики ведут агитацию за братание с немцами.

„Ленин продан Вильгельму II“ — заявил он.

— Позор! — кричали с мест эсеры.

— Врешь, казенная шкура, кровопийца! — кричали большевики по адресу прапорщика.

Один член Ревкомитета назвал нового начальника милиции негодяем... Тот не спустил оскорбления и вцепился в горло обидчику, пришлось разнимать. Поднялся шум, гремели стулья. Оратору, большевику Евсею, не дали говорить.

— Долой контрреволюционеров!—кричали большевики.

Собрание было закрыто раньше обычного. Эсеры вынесли устный протест: „Поведение фракции большевиков считать недостойным звания членов этого высокого собрания; все деловые вопросы переносим на следующий день“.

На эту декларацию большевики, в свою очередь, ответили:

„Мы клеймим позором выступление вашего представителя, прапорщика, агента Временного правительства.

Провоцирование вождя партии большевиков рассматриваем как измену рабочему классу“,—заявил от имени фракции большевик Зарецкий.

Эта борьба между партиями только разгоралась. Доклад А. С. Бубнова о приезде Ленина, о его взглядах на дальнейшее развертывание революции еще больше укрепил большевистские ряды. А. С. Киселев, приехавший из ссылки, занялся работой партийной организации. Был переизбран комитет партии, поставлена образцово работа на местах. Начали выпускать газету „Известия СР и СД“, первый номер которой вышел 1 мая 1917 года.

Киселев, Самойлов, Скороходов, Наумов были непосредственными руководителями „Известий“.

Первые номера были посвящены приезду Ленина из-за границы. С его приездом ивановские большевики стали чувствовать себя идейно сильными.

Эсеры в свою очередь напрягали все силы, чтобы склонить рабочий класс на свою сторону. Они привозили лучших лекторов из столицы; эти лектора старались опорочить имя Ленина, называя большевиков фанатиками, предателями революции. И договорились до того, что рабочие стали стаскивать эсеровских ораторов с трибуны.

Эсеры выписали из Москвы сильного агитатора Майстраха. В Гортатеатре Майстрах красноречиво заливался по-соловьиному. Свою речь он сосредоточил на голоде. По его словам выходило, что рабочие не перенесут такой голод, что без помощи наших союзников (Англии, Франции) мы погибнем. Чем же на самом деле занимались эсеры и меньшевики-интернационалисты в своей повседневной работе?

Они прежде всего никак не соглашались на разрыв с буржуазией. Они не переносили жестокой критики и недоверия Временному правительству. Они никак не представляли силу рабочего класса, они не допускали мысли о возможности и неизбежности перехода от буржуазной демократической революции к революции социалистической. Они Совет рабочих и солдатских депутатов считали рабочей организацией, которая не может и не должна мешать Временному правительству основать буржуазную демократическую республику в России. Они считали, что эта республика должна одержать, вместе с союзниками, победу над немцами, содрать хорошую контрибуцию, расширить еще больше территорию бывшей царской империи. Иначе, по их мнению, революция в России погибнет. „Россия будет валяться у ног победителя Вильгельма, большевики будут исторически в этом повинны“,—так заявляли вожди эсеров в Иваново в 1917 году. Поэтому у них в партийном комитете не обсуждалось никаких деловых вопросов. Скажем, о продовольствии, о пуске фабрик, о земле. Нет, это им было не нужно. „Это решит учредительное собрание“,—говорили они. Им было важно повести за собой рабочий класс, оторвав его от партии большевиков. Отсюда вывод: вали все беды на большевиков.—„Фабрики встали благодаря тому, что большевики вмешиваются в управление фабрикой“—

А. С. Киселев.

Иначе, по их мнению, революция в России погибнет. „Россия будет валяться у ног победителя Вильгельма, большевики будут исторически в этом повинны“,—так заявляли вожди эсеров в Иваново в 1917 году. Поэтому у них в партийном комитете не обсуждалось никаких деловых вопросов. Скажем, о продовольствии, о пуске фабрик, о земле. Нет, это им было не нужно. „Это решит учредительное собрание“,—говорили они. Им было важно повести за собой рабочий класс, оторвав его от партии большевиков. Отсюда вывод: вали все беды на большевиков.—„Фабрики встали благодаря тому, что большевики вмешиваются в управление фабрикой“—

говорил эсер Потехин.—„Из-за вас фабрики остались без хлопка, без топлива, без денег“,—кричали эсеры по адресу большевиков.

„Разве можете вы управлять фабриками,—говорил на митинге эсер Петров,—вы сначала научитесь как следует говорить“.

Но рабочие понимали „где собака зарыта“. Они знали, что истинной причиной хозяйственной разрухи является все еще продолжающаяся империалистическая война, что эта разруха углубляется пагубной политикой Временного правительства, которое защищает интересы буржуазии и потворствует саботажу и вредительству, проводимому фабрикантами.

И поэтому рабочие всегда ставили перед эсеровскими ораторами вопрос:

— А когда вы кончите войну?

Эсеры отвечали:

— Вместе с союзниками, после полной победы.

— А как понимать „полную победу?—спрашивали далее рабочие.

— Войти победно в Берлин, в Вену и в Константинополь,—отвечали эсеры.

— А когда рабочие получают восьмичасовой рабочий день, а крестьяне получают землю?

— Это решит только учредительное собрание.

— А когда же вы его соберете?

— Когда с триумфом закончим войну.

Наслушавшись таких ответов, рабочие им просто говорили:

— Нельзя ли вас послать ко всем чертям. Замолотились вы, ребята. Слезай-ка, парень, с трибуны-то, а то стащим.— И стаскивали.

Так с первых дней революции запутывались наши идейные враги. Они быстро теряли свой авторитет среди рабочих масс.

Они болтали, а жизнь властно диктовала практические действия.

Ведь к маю в городе не было запасов продовольствия даже на день. На фабриках к этому же времени не было ни топлива, ни хлопка, ни денег. Рабочие сидели без полочки.

Требовались дела, а не слова. Нужно было принять решительные меры. И Совет рабочих и солдатских депутатов принимал их. Кроме обысков и конфискации хлеба у торговцев, кроме мер по получению хлопка, необходимо указать на постановление Совета о введении явочным порядком, без декрета центральной власти, восьмичасового рабочего дня во всех предприятиях района.

Это постановление, принятое в апреле, еще больше подняло авторитет большевиков, руководителей Ивановского совета.

Эсерам ничего не оставалось, как только пророчить гибель революции. И они неустанно пророчили. Так, например, в июне они заявляли: „Теперь мы не возьмем на себя ответственности, теперь дело неисправимое, теперь вы, большевики, отвечайте сами. Вы уронили престиж революционной власти, союзники от нас отвернулись. Мы на краю пропасти“.

Но большевики, не взирая на эти паникерские пророчества, упорно и твердо шли по пути, начертанному В. И. Лениным, по пути, укрепления власти советов и организации рабочего класса для решительной схватки с капиталистами.

А. С. Бубнов.

Партийная жизнь

Вся история революционной борьбы ивановских рабочих показывает, как глубоко пустила корни революционная социал-демократия (большевики).

Даже в годы империалистической войны, в годы наи более тяжелые для нашей партии, работа Ивановской партийной организации не прерывалась ни на один день.

В 1916 году в Иваново был прислан Центральным комитетом партии Захар Невский.

Ему при поддержке В. Я. Степанова и других удалось наладить партийную работу.

Февральская революция не застала ивановских рабочих без руководителей. Этими руководителями были большевики, из них не мало товарищей с опытом 1905 года.

Партийный актив накопился к февралю 1917 года очень приличный. Это собрались твердокаменные большевики, все рабочие, готовые на все. Из своей среды они выбрали исполнительную комиссию. Эта комиссия и вошла в будущий партийный Городской комитет РСДРП (большевиков).

Имелись связи с рядом фабрик, имели представительство в Городском комитете: железная дорога, фабрика Куваева, Бурылина, Витова, „Компания“, Кашинцева, завод механический, фабрика Гандурина, Гарелина А., Грязнова.

Вот эта партийная прослойка и приняла в свои большевистские руки все движение с первых дней Февральской революции.

И она блестяще справилась со своими задачами.

В апреле из далекой ссылки, из тюрем возвратился в Иваново весь актив времен 1905, 12, 15 годов. В это же время приехал на помощь т. Бубнов А. С., приехал т. Любимов И. Е., А. С. Киселев. Работа парторганизации была направлена главным образом на организацию широких слоев рабочего класса вокруг партии большевиков.

27 апреля состоялась городская конференция большевиков. На ней выяснилось, что городская организация уже имеет в своих рядах 3¹/₂ тысячи членов.

Конференция по всем основным вопросам встала на ленинские позиции.

Конференция дала твердую зарядку в партийной работе. Большевики смело выдвигали в массах ленинские лозунги.

На этой конференции был избран городской комитет партии, в который вошли: С. И. Балашев, В. Н. Наумов, В. П. Кузнецов, Вера Коровайкова и другие.

Партийный комитет снимает себе самостоятельное помещение на Шуйской улице и ведет оперативную работу.

В апреле-мае идет ожесточенная борьба с другими партиями, враждебными большевизму (эсеры, меньшевики, анархисты). Они засыпали потоком красноречия большевистских

ораторов. В это время была жестокая партийная борьба и травля большевиков.

Но большевики с честью выдержали эту борьбу. Они беспощадно срывали с этих партий социалистические маски и смело разоблачали их предательскую роль.

Крепко доставалось от рабочих-большевиков этим краснобаям.

Симпатии рабочих были всецело на стороне большевиков. Рабочие Иванова и солдаты 199-го запасного полка поддерживали только их.

В июльские дни несмотря на призывы и увещевания меньшевиков и эсеров рабочие и солдаты как один вышли на демонстрацию, устраиваемую большевиками.

Эта демонстрация показала, что рабочий класс идет бесповоротно за большевиками.

Успех этой демонстрации был результатом интенсивной партийной работы.

Партийный комитет укрепил свои партзвенья на фабриках и повел большую работу по овладению массами. Совет и партийный комитет брали крепость за крепостью; враги большевиков терпели неудачи. Сторонники Керенского подняли бешеную агитацию за войну до победного конца, они популяризировали Керенского как вождя, его портреты стали появляться на видных местах, в продаже. Эсеры и меньшевики метали громы и молнии против сепаратного мира. Они ратовали за всеобщее наступление на фронте.

Но история была за большевиков.

„Вся власть советам“

6 июля с утра, с красными знаменами, со всех фабрик рабочие двинулись на площадь с лозунгами:

„Долой десять министров-капиталистов“.

„Да здравствует Ленин“.

„Да здравствует власть советов“.

„Да здравствуют большевики“. „Долой войну“.

Эсеры и меньшевики не участвовали в этой демонстрации. Они стояли в сторонке, будучи убеждены, что рабочие не пойдут на демонстрацию. Но они ошиблись—рабочие пришли. Стоя под красными знаменами, рабочие с вниманием слушали т. Янышева, большевика-эмигранта, вернувшегося из Северной Америки.

Призывая рабочих подать руку зарубежным братьям по труду, т. Янышев, под оглушительные аплодисменты закончил свою речь:

„Да здравствует международная солидарность трудящихся. Да здравствует социальная революция во всем мире!“

По окончании митинга часть рабочих в несколько тысяч человек двинулась со знаменами на братские могилы. Значительная же часть осталась на площади, где продолжался в течение двух часов митинг.

Враги рабочего класса и здесь пустились на провокацию. Кто-то кинул несколько горстей грецких орехов и мелких камней из окон. Послышались крики:

— Стреляют! Спасайтесь!

Получилось маленькое замешательство, часть рабочих дрогнула и побежала к Управе, но большевики-руководители—Янышев, Кадыков, Колесников А. Ф. и другие, стоя на трибуне, призвали к спокойствию.

Снова водворился порядок и митинг продолжался. Большевистских ораторов рабочие встречали очень сочувственно, эсеровских злобно. Напрасно один эсеровский оратор говорил:

— Допустите нас до пороховых погребов и мы взорвем всю вашу политику,—его никто не слушал.

И точно на зло врагам в военном клубе музыка играла Интернационал, Марсельезу, Варшавянку и другие революционные песни.

Эта демонстрация вызвала негодование у революционного комитета, этого бессильного пристанища меньшевиков и эсеров.

Демонстрация была устроена Советом вопреки решению революционного комитета.

Более того, член революционного комитета, лидер ивановских эсеров—И. А. Салов грозил демонстрации расстрелом.

Эту угрозу встретили смехом.

Совет присоединился к решению Городского комитета партии большевиков об устройстве демонстрации и о захвате почты, телеграфа и телефона.

И как ни злились эсеры и меньшевики из революционного комитета, они были бессильны что-либо сделать.

Совет рабочих и солдатских депутатов фактически был единственной действительной властью в городе.

И этот большевистский Совет открыто и смело бросил вызов Временному правительству.

В резолюции, принятой на своем заседании 5 июля, он заявил:

„Экономическая разруха и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край пропасти. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а, наоборот, своими распоряжениями вносит еще большую неурядицу в те начинания, которые революционная демократия в лице Советов проводит на местах для спасения от разрухи и безработицы.

Протестуя против соглашательской политики с буржуазией, Совет рабочих и солдатских депутатов присоединяет свой голос к лозунгу: „Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“¹.

Работа Совета

В результате этой губительной политики Временного правительства фабрики с каждым днем работали все хуже и хуже. Уполномоченные фабрик по вопросам топлива и хлопка разъезжали по министерствам, по разным комитетам. Клянчили вагонов, хлопка, денег, топлива.

Фабриканты фабрики забросили. Не подвозя сырья, они в то же время усиленно вывозили ситец.

В атмосфере этого напряженного положения фабкомы укрепили свое влияние среди рабочих масс и не дали больше безобразничать: каждый аршин был на учете и без визы Комитета нельзя было вывозить ни одного вершка... Были, правда, единичные случаи, когда из фабричной конторы, из склада выгоняли предзавкома в шею (на фабрике Гандурина). Но были случаи и другие: зарвавшегося хозяина или директора брали за воротки и сажали в тюрьму (Гандурина, Витова и др.).

Восьмичасовой рабочий день провели явочным порядком, согласно постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов, а дальше повели борьбу за улучшение труда. Фабриканты уже по всем делам обращались в союзы.

Освободившись от мелкой работы, наладив работу профсоюзов и больничных касс, Совет занялся работой в губернии. Введя в Иваново-Вознесенске в буржуазную Городскую думу своих 15 гласных, которые отбирались Исполкомом, Совет занялся Шуйским земством.

¹ „1917 год в Ив.-Вознесенском районе“. Изд. „Основа“, 1927 г., стр. 155.

По его инициативе был проведен уездный съезд земских работников совместно с членами уездного собрания, куда были введены от Иванова, Шуи, Тейкова 16 гласных. В Уездную земскую управу ввели трех большевиков: А. П. Маурина, И. А. Мухина и В. П. Кузнецова.

Председатель земской управы Романов сказал:

— Я рад, что пришли большевики. Шуйская земская управа имеет долгу 2 миллиона рублей. На сегодняшний день нет ни копейки денег для выдачи пособий солдаткам. 80 школ требуют ремонта, дров. Все мосты по Шуйскому уезду требуют капитального ремонта, по ним сейчас ездить опасно.

— Ну, что же, большевики наладят, не беспокойтесь,— сказал Мухин.

Почти такая же картина была и в Иваново-Вознесенске. В мае член управы Н. А. Жиделев шумел из-за денег с солдатками, ломались двери Управы от их напора.

Далее Городскому совету было известно, что во Владимире совета рабочих и солдатских депутатов нет. Солдатский совет был в руках офицеров. Для реорганизации революционной власти, совета, профсоюзов и партии во Владимир послали 8 большевиков. Губернский комиссар был выбран от Иванова, „солдатский“ совет был распущен и организован совет рабочих и солдатских депутатов.

Кроме того Советом был поставлен вопрос о единой продовольственной единице Иваново-Вознесенской области, что и было оформлено в мае 1917 года. Представителями в министерстве продовольствия по этому делу были: от Совета—В. П. Кузнецов, Брюханов, А. Ф. Колесников. Со стороны правительства в переговорах участвовали Коробов и Анисимов.

Создание Продовольственной управы было одним из шагов к созданию Иваново-Вознесенской губернии.

Вопрос о создании особой продовольственной единицы уточнило „особое областное продовольственное совещание“ в Кинешме.

На этом совещании ивановские большевики встретили сильное сопротивление со стороны Колодина, Савченко, Соколовского, Беляевского и других кинешемских меньшевиков.

Перед совещанием прежде всего встал вопрос, где создать районную продовольственную управу—в Иванове или в Кинешме.

Кинешемские меньшевики, признавая на словах силу экономического превосходства за Ивановом, хотели организовать продуправу в Кинешме.

При выборах продуправы им удалось провести туда большинство своих людей.

И все же их упорство, правда с немалыми усилиями, было сломлено.

Продуправа была переведена в Иваново.

Большевики завоевали и эту крепость.

И здесь у меньшевиков „номер не прошел“.

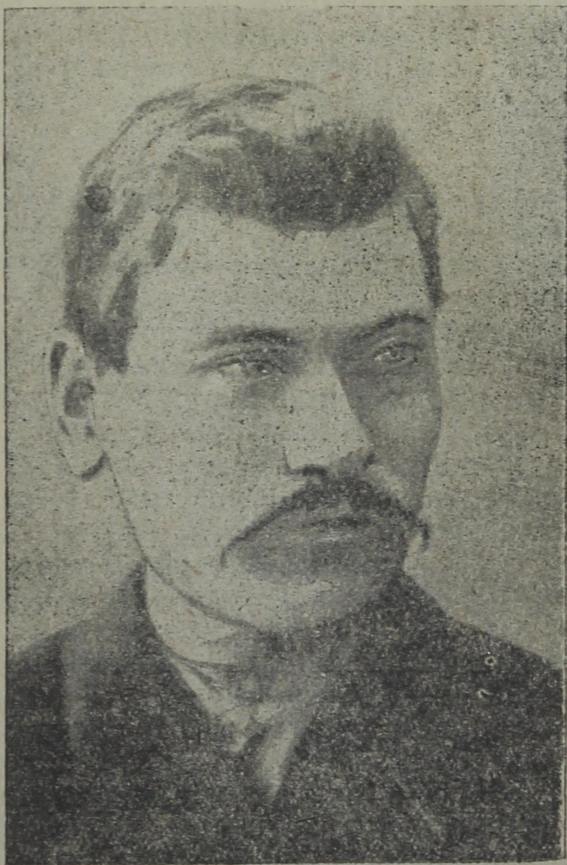
Новые хозяева

Июль месяц. Фабрики работают с перебоем. Фабриканты начали перепродавать свои фабрики. Так, Полушин продал свою фабрику за два миллиона. Некоторые фабрики дышали на ладан. Рабочим не выдавали по месяцу зарплаты.

Мука совсем исчезла у хлебных королей, братьев Куражевых, Латышевых и других. Появились „керенки“, 20 и 40-рублевого достоинства. Выпуск этих бумажек был в полном разгаре.

Городской совет уже начиная с мая 1917 года ездил в Ленинград в Министерство продовольствия за хлебом. Голодных рабочих выручал несколько раз полковой комитет, снимая с железной дороги идущую на фронт муку. Маршрут за маршрутом именем Совета выгружала продовольствие наша кооперация.

На почве недостатков продуктов выбившиеся из сил рабочие неоднократно приходили в Городской совет, требовали принятия экстренных мер.

Н. А. Жиделев.

Спрашивается: что же в этих условиях делали революционный комитет и буржуазная городская дума, эсеры и меньшевики?—А ни черта. Они ругали большевиков, митинговали за продолжение войны, превозносили Керенского. Анархисты проповедывали анархию „как мать порядка“.

По инициативе Городского комитета партии большевиков Городской совет стал готовиться к перевыборам местного самоуправления—это была необходимая и самая радикальная мера.

При Совете была организована Центральная избирательная комиссия. Кампания развернулась 15 июля. Город был разделен на избирательные участки. Партийный комитет развернул массовую агитацию, были проведены сотни собраний и докладов.

В то же время партийный комитет добился выпуска своей партийной газеты.

Масштаб работы увеличивался. Большевики шли от одного успеха к другому. Одной газеты „Известий СР и СД“ стало для Иванова недостаточно. К тому же она и не могла полностью освещать партийную жизнь. И вот 24 августа выходит первый номер газеты „Наша звезда“—орган Иваново-Вознесенского городского комитета партии большевиков.

На каждой странице жирным и четким шрифтом красуется лозунг: „Голосуйте за список № 1-й, за социал-демократов большевиков“.

А передовая статья „Наше время и наши задачи“ с беспощадной ясностью вскрывает контрреволюционность буржуазии и предательство ее лакеев—меньшевиков и эсеров.

Газета „Наша звезда“ сыграла очень крупную роль в работе нашей организации.

Она давала боевую зарядку, четкие установки. Ее передовицы, написанные в большинстве случаев редактором А. С. Киселевым, были проникнуты большевистской прямоотой и непримиримостью, ясностью и четкостью.

„Наша звезда“ в немалой степени способствовала успеху большевиков и в выборах в Городскую думу.

27 августа, за два дня до выборов в Думу, вышел второй номер газеты „Наша звезда“. В ней помещаются статьи с подробными разъяснениями, за каким номером и с какими целями идет та или иная политическая партия на выборы. Большевики шли под номером первым; второй номер

взяли себе меньшевики; под третьим выступали социалысты-революционеры; номер четвертый—беспартийный блок; торгово-промышленная партия шла под номером пятым. Эти выборы были решающими. Они должны были показать, кого Иваново-Вознесенск проведет и в учредительное собрание. Все население было поставлено на ноги—старики, инвалиды, женщины, все взрослое население с восемнадцатилетнего возраста, согласно постановлению Городского совета, пользовалось правом голоса. В голосовании участвовало около 38 тысяч человек из 85 тысяч населения города.

Всего в выборах фигурировало семь избирательных списков различных партий. Каждый избиратель голосовал за свою партию. И вот результат: список № 1-й получил 20164 голоса, эсеры получили 8336 голосов, меньшевики получили только 1371 голос. Большевики получили в городском самоуправлении (Городской думе) 58 мест, из 102 гласных. Дума состояла из большевиков, эсеров и меньшевиков. Выборы происходили на основе равного, прямого, тайного и всеобщего голосования. Трудно было эсерам, при всем их желании, доказать неправильность выборов; все было сделано по правилам парламентарного искусства—бюллетени, урны, счетчики.

Безусловно, что двадцать тысяч голосов, поданных за большевиков, принадлежали исключительно рабочим.

Надо принять во внимание, что в числе 35 000 рабочих, живших тогда в Иванове, очень многие были связаны с деревней и не принимали участия в выборах.

Эти выборы, давшие блестящую победу большевикам, показали, что основные массы рабочих завоеваны большевиками.

И когда через месяц начались выборы в Учредительное собрание положение меньшевиков и эсеров было еще хуже. Они вместе не собрали даже четырех тысяч голосов, тогда как большевики получили, примерно, такое же количество голосов, как и при выборах в Думу.

Иваново послало в Учредительное собрание только большевиков—М. В. Фрунзе, И. Е. Любимова, А. С. Киселева, Н. А. Жиделева и др.

Мало помогали меньшевикам и эсерам их красноречие и демагогия.

Первое заседание социалистической думы

Фракция большевиков Городского совета совместно с фракцией гласных социалистического самоуправления подбирала кандидатуры в члены Управы—городского голову и председателя Думы. Нужны были сильные, умелые товарищи, нужно было иметь в виду не только свое дело, которое было поручено Управе, но и умение провести образцово собрание, выступить с декларацией, с платформой большевиков, указав в ней—какой деятельностью займется Дума. Нужно было обставить это так, чтобы показать, что мы-де, умеем и можем блеснуть знаниями парламентского порядка, и этим не дать политическим противникам придраться к пустякам. Фракция большевиков наметила кандидатуры: Любимов И. Е.—городской голова, Асаткин А. Н.—председатель думы, Степанов В. Я., Жиделев Н. А., Кузнецов В. П., Киселев А. С.—члены Управы. Остальные три места было решено дать меньшевикам-интернационалистам и эсерам.

Торжественное заседание социалистического самоуправления происходило в Зимнем театре, который не мог вместить всех гостей. Было допущено 200 человек сверх нормы. До заседания носились всевозможные разговоры.

„Кто же у нас будет голова? Как они будут управлять городским хозяйством. У них нет людей“.

Председатель А. Н. Асаткин звонит усиленно в колокольчик. Мастерски, впиваясь сквозь пенсне глазами в зал, начинает вести собрание, с первых же слов завоевывая себе авторитет.

„По поручению фракции большевиков заседание социалистической думы считаю открытым. Благоволите соблюдать тишину“.

Еще раз взглянул серьезно на собрание, одернув троих гласных, которые сделали неуместное замечание. Наступила полная тишина.

Первым вопросом на повестке дня стоит: выборы членов Управы. Проходят: А. Н. Асаткин—председатель Думы, И. Е. Любимов—городской голова, члены Управы: Жиделев, Кузнецов, Степанов, Киселев—большевики; Чернов М. А., Майоров И. А., Дарьинский М. И.—от меньшевиков и эсеров.

Под гром аплодисментов новые „отцы города“ занимают свои места.

Бывший городской голова Кондратьев А. П. покушается надеть на шею Любимову серебряную медаль на серебряной длинной цепи. Это ему не удается. Любимов, улыбаясь, взял в горсть эту буржуазную затею и под шутки товарищей спрятал ее в стол.

„Слово представляется городскому голове Исидору Евстигнеевичу Любимову“ — произносит председатель.

„Товарищи! Партия большевиков в корне осуждает политику Временного правительства, которое продолжает политику царской власти: война не кончена, земли крестьяне не получили, созыв учредительного собрания все дальше оттягивается. Мы будем всемерно добиваться скорейшего окончания войны, наделения крестьян землей. В рабочем

вопросе мы будем бороться за восьмичасовой рабочий день во всей промышленности и торговле. Мы будем добиваться введения контроля над производством, повышения зарплаты до прожиточного минимума, введения социального страхования. Будем добиваться скорейшего созыва учредительного собрания.

В области городского хозяйства мы ставим себе целью привести в порядок все городские и земские школы, произвести в них необходимый ремонт, добиться снабжения школ и больниц топливом, дать городу свет и воду. Для этого нужно усилить городскую электрическую станцию, построить городской водопровод, взяв за основу план этого водопровода и света, составленный еще в 80-х годах буржуазной

И. Е. Любимов.

думой. Упорядочить городской транспорт, очистить реку Уводь, поставить на должную высоту борьбу с пожарами, начать благоустройство города путем открытия садов, парков, детплощадок, дать рабочему хороший театр“.

На эту декларацию большевиков, прочитанную т. Любимовым, эсеры и меньшевики выступили с ответным заявлением. Они заявили:

„Наша родина стоит на краю пропасти, самодержавным правительством страна ввергнута в нищету и разруху. Страна рискует быть под сапогом Вильгельма II. Из этой разрухи можно выйти только путем доведения войны до победоносного конца, совместно с нашими доблестными союзниками: Англией, Францией, Италией. Только после окончания войны возможно созвать учредительное собрание, которое решит вопрос о труде, решит аграрный вопрос. Декларируя это Городская социалистическая дума переходит к очередным делам“.

Эти два предложения были поставлены на голосование. Декларация большевиков проходит 67 голосами против 38 голосов прочих под шумные аплодисменты всего зала.

Тяжелое наследство

На другой день старая Управа сдавала свое хозяйство новому хозяину. Было получено керенками 60 000 рублей, ценными бумагами 600 рублей, 250 десятин лесу—дача Якова Гарелина, недостроенные казармы фабриканта Небурчилова. Получили старый дом с публичной библиотекой на Покровской улице, две амбулатории, требующие капитального ремонта, пожарное депо из 8 лошадей, с худыми бочками, городскую мытилку и театр. Получили межевое дело, где были перечислены частные участки земли. Получили смешанные функции управления города с Шуйским земством. Почти все начальные школы и две амбулатории принадлежали Шуе, больница чернорабочих принадлежала фабрикантам, хотя на содержание этой больницы с рабочих вычитали 70 копеек в год. Вторая больница, на Сретенской улице, была подарена фабрикантом Куваевым Городской управе, но там рабочих до революции не лечили. Женская гимназия, реальное училище содержались на средства фабрикантов. Дальше получили проект водопровода, составленный инженером Воронцовым-Вельяминовым, лежащий без движения 30 лет. Новым „отцам города“ стало также из-

вестно, что они получили в наследство полтора миллиона золотом долгу и что за два месяца не выдан паек солдаткам. Школы, больницы требовали капитального ремонта, нигде не было ни полена дров, а на складах было всего 600 сажень на весь город.

Казалось бы, надо смеяться большевикам над старыми „отцами города“ или всех их посадить в тюрьму. Но на товарищей вместо смеха легла тяжелая дума—с таким хозяйством они должны выстроить новый город для рабочих.

Бухгалтерия была запущена, за четыре года не было отчета. Где-то затерялись два вагона каменного угля, на Волге разнесло 4000 сажень дубовых дров.

Когда бухгалтер Курзин сдал дела новому, выписанному Советом с Украины, бухгалтеру Шеру, то сказал:

— Я освободился от тюрьмы—теперь можно вздохнуть свободно.

Новые хозяева сели за пустыми столами и задумались—с чего начать. Два трудные вопроса стояли перед Управой: продовольственный и топливный, не говоря уже о фабриках, которые были накануне останова. Так, с фабрики „Компании“ все хозяева и дирекция разбежались, оставив на произвол судьбы 4000 рабочих. Это было в конце августа.

Надоела пустая болтовня

Профессиональные союзы организовали областной союз. Текстильщики готовились к Иваново-Вознесенской областной стачке. Областное правление профсоюза текстильщиков избрав Центральный областной стачечный комитет, в то же время не бросало мирные переговоры с фабрикантами,—чтобы не было кривотолков среди рабочих. Но на этот раз поехавшие в Москву представители рабочих были зависимы от стачкома и от Правления союза. Не церемониться, не затягивать переговоры—вот какую директиву получили эти представители согласительной комиссии. А стачком готовил рабочих к борьбе.

Заседает стачком: Могилевский, Асаткин, Климохин и другие, всего 35 человек. Стачком изучает зарплату, категории работ, добывает сведения о женском и детском труде, о больничных кассах, берет на учет топливо, хлопок, имеющуюся в наличии мануфактуру, усиливает работу фабкомов, устанавливает надзор на станциях Иваново. На местах: в Кинешме, Вичуге, Наволоках, Шуе и других пунктах создает

местные стачкомы, рассчитывая вывести рабочих на забастовку в один день и час. На основе добытого материала стачком расширяет майские требования, предъявленные фабрикантам.

Все мирные переговоры с фабрикантами были исчерпаны—семь месяцев рабочие ждали уступок. Центральный стачечный комитет готовился к бою, выработав общие требования для всех рабочих промышленной области и общий тариф. Выпустили воззвание к рабочим, назначили определенный день и час останова всех фабрик области. Председатель стачкома, он же председатель правления Союза текстильщиков, А. Н. Асаткин говорит по телефону с представителями согласительной комиссии в Москве.

„Бросьте пустую, бесплодную болтовню, выезжайте немедленно на места, областная стачка объявлена. Полумиллионная армия рабочих на демонстрации. 115 текстильных фабрик охраняются вооруженными рабочими пикетами“.

Разговор по телефону кончился, переговоры с фабрикантами были прерваны заявлением со стороны представителя рабочих.

„Мы мирные средства исчерпали все, стачком объявил всеобщую областную стачку. Теперь, господа фабриканты, пожалуйста к ответу“.

Все фабриканты повскакали с мест, начали протестовать против создавшегося положения, называя стачку анархией, предвещающая гибель текстильной промышленности.

Стачка была для буржуазии неожиданной.

Затрещали телефоны, полетели телеграммы.

Министерство промышленности зашевелилось, оно посылает в Иваново своего представителя.

Областная стачка была объявлена с 10 часов утра 21 октября. Стачком области обратился ко всем рабочим текстильной промышленности городов Петрограда, Москвы с воззванием:

„Стачечный комитет Иваново-Вознесенской области просит поддержать наши законные требования и присоединиться к нашей великой исторической борьбе“.

События развертываются, большевики за работой. Фабрики перешли под полный контроль рабочих. Центральный стачечный комитет издает приказ № 2: „К солдатам, рабочим Иванова, Кинешмы, Середы, Шуи, Тейкова, Коврова, Кохмы, Вичуги, Родников: Ни один аршин ситца, ни одна

вещь не должны быть вывезены из фабричных ворот без разрешения стачечного комитета“.

Рабочие собрания на дворах фабрик, на площадях обсуждали создавшееся положение. Дело было ясно.

Полунов в Вичуге говорил рабочим:

„Измучились мы с болтовней, никаких уступок. Капиталисты на наши требования даже не ответили, упорно, преступно молчали, тянули время. Теперь настал час решительной борьбы“.

Иваново-Вознесенский совет одобрил всеобщую стачку особым постановлением. Все депутаты-большевики работали на фабриках, проводили рабочие собрания и доказывали необходимость захвата власти и фабрик.

Городская социалистическая дума решила в своем экстренном заседании все требования стачкома одобрить, дальнейшие переговоры с фабрикантами признать бесплодными. Взять под свое наблюдение все учреждения, назначить контроль на станции Иваново, призвать все надежные вооруженные силы города на защиту Совета рабочих и солдатских депутатов, назначить дежурство членов Управы в ночное время.

За подписью городского головы И. Е. Любимова Городская дума выпускает обращение к населению:

„21 октября Иваново-Кинешемский район рабочих текстильщиков объявил стачку. Во главе стачки стоит Центральный стачечный комитет. Признавая забастовку как средство защиты своих интересов рабочими, как их законное, неотъемлемое право борьбы за улучшение своего положения, Городская дума призывает граждан рабочих вести означенное движение организованно, под руководством областного профсоюза. Городская дума со своей стороны примет все меры к тому, чтобы забастовка проходила организованно“.¹

Приехавшие из Москвы рабочие, представители в согласительной комиссии, привезли с собой арестованных капиталистов как заложников. Они были посажены в тюрьму (на ул. Кокуй). Городской совет накладывает на ивановских фабрикантов контрибуцию в миллион рублей, заявляя, что только после уплаты всей суммы они будут освобождены.

Революционный комитет—детище Керенского—хладнокровно молчал, да он был и бессилён что-либо сделать.

¹ 1917 г. в Иваново-Вознесенском районе. Изд. „Основа“, 1927 г., стр. 225.

За последнее время, с момента выборов социалистической думы, он, ни разу не собиравшись, умер тихой, естественной смертью.

Притихли, съежились меньшевики и эсеры.

Не стали собирать общих собраний, прекратили чтение научных рефератов о гибели свободной страны и революции. От этих двух партий остались одни осколки—одиночки. Они редко выступали публично, чаще шептали за углом:

„Большевики запоролись в двери анархии, из этих дебрей не выйдут, революцию сгубят. Россия погибнет под ударами немецкого штыка“.

А в это время в Иваново-Вознесенске на площади Городского совета происходили демонстрации под политическими лозунгами.

„Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!“

„Долой Временное правительство!“

Под нашу команду сомкнитесь!

Областная стачка текстильщиков проходила на редкость организованно. В один день, в один час по сигналу стачкома остановились 115 фабрик.

Она имела огромное политическое значение. Она совпала с борьбой рабочего класса за власть, за диктатуру пролетариата.

Стачка началась 21 октября, а накануне, 20 октября, Совет рабочих депутатов принял свое историческое решение, в котором он объявил „Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа“ и постановил „считать отныне все советы Владимирской губернии на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством и на основании этого установить по отношению к распоряжениям Временного правительства и его агентов на местах полную свободу действий советов, приступая немедленно к регулированию политической и хозяйственной жизни своею собственной властью.“¹

21 октября Исполнительный комитет Совета выдал Кадыкову десять винтовок для вооружения красной гвардии, был организован штаб красной гвардии, было организовано

¹ „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“. Изд. „Основа“, 1927 г., стр. 249.

всюду дежурство красногвардейцев. От Совета в штаб красной гвардии был выделен А. И. Жугин.

23 октября в Шуе состоялась манифестация, где выступил М. В. Фрунзе и прямо поставил вопрос о переходе всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов.

199-й запасный пехотный полк постановил 23 октября: „Всякие неорганизованные выступления и беспорядки будут немедленно по распоряжению Совета рабочих и солдатских депутатов прекращаться всеми зависящими от нас мерами согласно революционного времени“.

Цель событий развертывалась, большевики умело брали нужные звенья в свои руки и руководили борьбой.

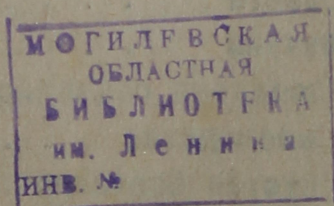
Эта борьба привела к всемирноисторической победе. 25 октября ночью Исполнительный комитет Совета получил весть о свержении Временного правительства. Тут же был организован революционный штаб из пяти лиц, которому и была передана вся полнота власти в городе.

Восемь месяцев, время пребывания у власти Временного правительства, ушли на подготовку к этой великой победе.

За все это время, как и за весь предшествующий период своего существования, Ивановская большевистская организация твердо и неуклонно шла по пути, указанному своим вождем В. И. Лениным, и пришла к Октябрьскому перевороту не десятками, не сотнями, а шеститысячным боевым отрядом.

В беззаветной и самоотверженной борьбе за диктатуру пролетариата Ивановская парторганизация покрыла себя неувядаемой славой, оказалась достойным отрядом великой Коммунистической партии.

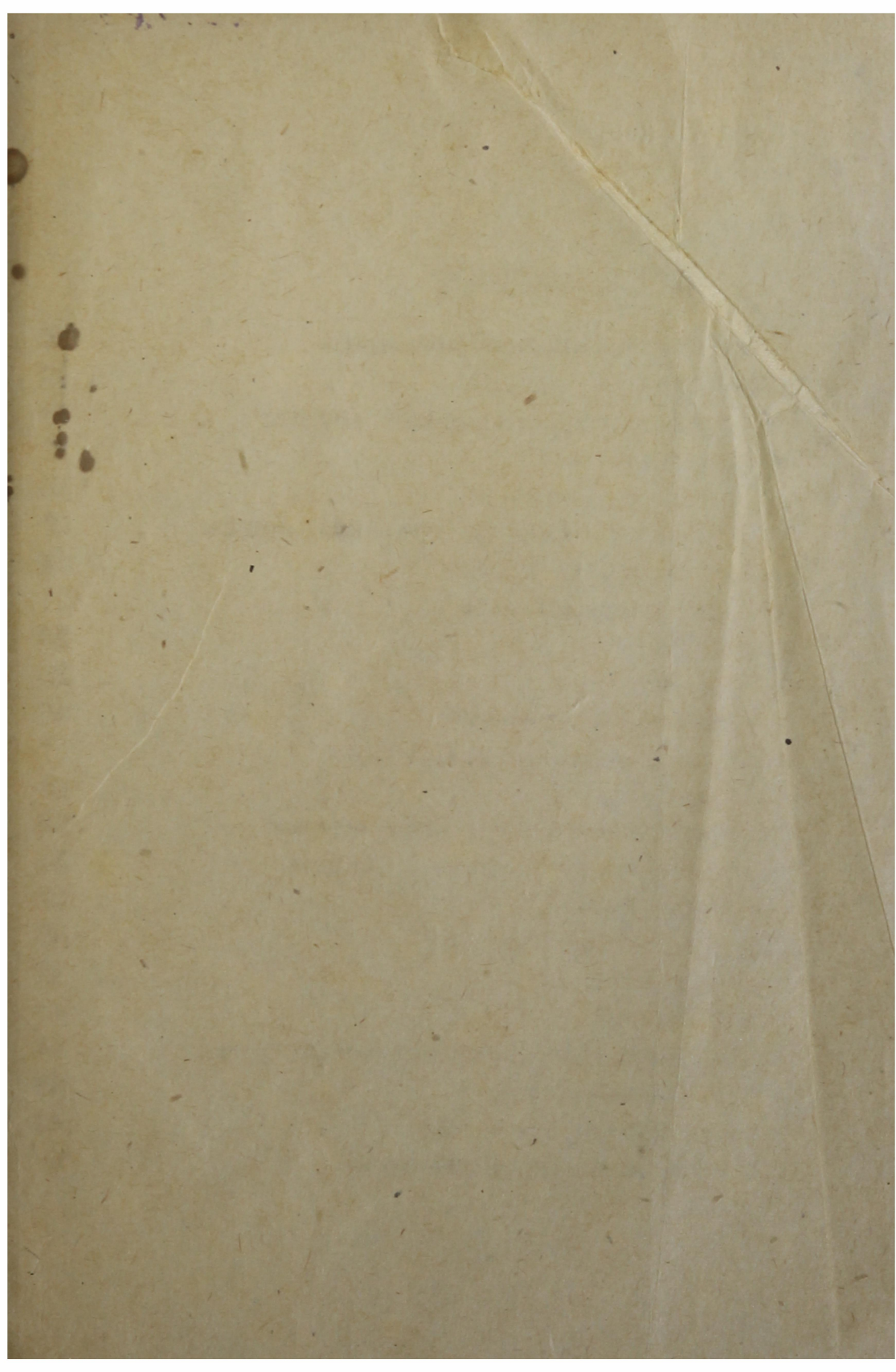
65180.

Апр. 187.

Оглавление

Накануне Февральской революции	5
На фабриках и заводах	9
На площади перед Городской управой	11
Солдаты назаперти	13
Историческое заседание	14
3 марта на площади у Городской управы	16
Первое заседание Совета	18
Они тоже зашевелились	21
Приказ № 1	24
Новое помещение	25
Согласительная комиссия	26
Завоевание масс большевиками.	27
В Москве	29
Женские ударные батальоны смерти	30
Бурное заседание. Борьба с эсерами	31
Партийная жизнь	35
„Вся власть советам“	37
Работа Совета	39
Новые хозяева	41
Первое заседание социалистической думы	44
Тяжелое наследство	46
Надоела пустая болтовня	47
Под нашу команду сомкнитесь!	50

Цена 70 коп.